

ОБРАЗ – МОТИВ – ЖАНР

Н. А. ЖИЛЯКОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ORCID ID 0000-0002-8142-5507

УДК 821.161.1-3(Фонвизин Д. Н.)

DOI 10.26170/ufv19-05-01

ББК ШЗЗ3(2Рос=Рус)5-8,44

СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ (АВТОБИОГРАФИЯ-ИСПОВЕДЬ Д. И. ФОНВИЗИНА «ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ДЕЛАХ МОИХ И ПОМЫШЛЕНИЯХ»)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению жанра автобиографии и его особенностей на уровне субъектной организации текста. Во второй части работы представлен анализ автобиографических записок Д. И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», – пример взаимодействия европейской и отечественной литературной традиции автобиографического слова, показывающий развитие жанра в русской классической прозе конца XVIII века.

Ключевые слова: автобиография; исповедь; жанр; Д. И. Фонвизин; субъектная организация.

Автобиография занимает особое место в системе литературных прозаических жанров. Объясняется это тем, что автобиографический текст – это не столько строгая жанровая конструкция, сколько особый тип организации произведения в рамках специфических автобиографических категорий. В мемуарах, записках, дневниках, исповедях повествуется о жизни определенного субъекта в строго очерченный (самим автором, временем и культурной эпохой) период времени. Однако жанры эти не тождественны друг другу. Так, если в художественной автобиографии «автор сосредоточен на становлении истории своей души в ее взаимоотношениях с миром», то «автора мемуаров интересует прежде всего сам этот мир, люди, которых он встречал, события, которые наблюдал и в которых участвовал» [Лит. словарь 1987: 12]. В дневниках «эстетическое начало, с большей или меньшей степенью осознанности, обнаруживается в ориентации на определенный тип культуры, то есть на тип эстетического сознания, на художественные нормы и каноны и даже на тип речевого этикета». Главным же факто-

ром, формирующим эстетическое качество дневника, является «тип личности, который складывается в сознании данной эпохи и уже входит в литературу» [Ермоленко 1996: 45]. В то же время, П. К. Чекалов, размышляя о жанровой разности автобиографических текстов, отмечает: «так как все эти смежные формы объединяет автобиографическое начало, зачастую границы между ними оказываются условными и подвижными, вследствие чего бывает сложно провести между ними разделительную линию» [Чекалов 2012: URL]. Суть «автобиографического начала» французский исследователь Ф. Лежен сформулировал следующим образом: «это ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности» [Лежен 2006: 262]. Автобиография, таким образом, способна быть как самостоятельным произведением, так и сращиваться с другими формами документальной прозы.

Для нашего исследования важна классификация, которую предлагает Н. А. Николина:

«1) собственно автобиографии – документальные тексты, представляющие собой краткие и формализованные жизнеописания и относящиеся к официально-деловому стилю;

2) автобиографические тексты, включающие одновременно развернутые воспоминания о прошлом, связанных с ним реалиях, лицах и т.п., написанные без установки на эстетическое воздействие (автобиографии и воспоминания исторических деятелей, писателей);

3) автобиографии и воспоминания, тяготеющие к беллетризованной форме (содержащие, например, образные характеристики описываемых реалий);

4) художественные произведения, использующие жанровую форму автобиографии и опирающиеся на реальные факты жизни автора)» [Николина 2017: 12].

Очевидно, что в плане литературоведческого анализа нас интересуют произведения четвертого типа, в художественной структуре которых обнаруживается взаимодействие различных жанровых форм с собственно автобиографической формой, что проявляется на уровне идейно-художественного содержания и стиля.

Учтем также наблюдения Ф. Лежена над особенностями автобиографического жанра.

«1. Языковая форма:

а) рассказ;

б) в прозе.

2. Рассматриваемая тема: индивидуальная жизнь, история личности.

3. Положение автора: тождество между автором (чье имя указывает на некое реальное лицо) и рассказчиком.

4. Позиция рассказчика:

а) тождество между рассказчиком и главным героем;

б) ретроспективное повествование» [Лежен 2006: 266].

Комментария и особого рассмотрения требует соотношение автора реального – рассказчика – героя. Ф. Лежен определили их связь как «триединство я», говоря о том, что эти три фигуры как бы сливаются. По замечанию П. К. Чекалова, «границы между ними оказываются достаточно размытыми» [Чекалов 2012: URL]. Однако «размытые» – не значит тождественные: литературный персонаж, как бы он ни был близок к автору, не способен написать текст в объективной реальности, поэтому «подобно художнику, пишущему автопортрет, “автобиограф” создает лишь модель уже существующего в природе объекта, рефлектирует, отражает объективную реальность» [Бронская 2001: 12]. Такая специфическая субъектная организация, когда пишущий одновременно является и субъектом и объектом повествования, позволяет автору осмысливать собственную жизнь, трансформируя ее в особый художественный мир, где вымысел не противоречит цели, а способствует ей, ведь писатель и читатель подписывают «автобиографическое соглашение», по которому последний обязан доверять автору, не ставя под сомнение достоверность описываемого. Это «окно», которое позволяет писателю создавать именно художественную автобиографию.

Такое количество «авторов» в тексте определяет особую раздвоенность (двупланность) сознания: «я – сегодня» и «я – тогда» (в терминологии М. Ю. Ньюбиной). Это позволяет автору и читателю оценивать события синхронно и ретроспективно, причем в каждом автобиографическом тексте может быть разное соотношение этих типов сознания в тексте. Если повествование ретроспективно (т.е. доминирует «я – тогда»), оно динамично, событийно, читатель переживает события вместе с главным героем. Если же в тексте преобладает голос «я – сегодня», нарратив становится более лиричным, автор, осмысляя уже *им пройденный* путь, занимает позицию всезнающего субъекта.

Раздвоенность авторского сознания определяет некоторые особенности пространственно-временной организации:

«1) время обратимо, так как в основе повествования лежит ретроспекция;

2) в тексте идёт соположение двух временных планов: времени, о котором пишут, и времени, в которое пишут;

3) важными чертами автобиографии становится открытость финала и незамкнутость жизнеописания, хотя первые временные границы (например, рождение) чётко установлены;

4) в повествовании описываются как единичные, так и повторяющиеся ситуации;

5) наблюдается сегментация времени по воле автора (сохраняется только часть фактов и событий прошлого, их последовательность может преобразовываться);

6) в качестве единиц времени служат не только ситуации, которые формируют линейную последовательность, но и картины воспоминаний, между которыми не всегда есть связь;

7) субъективность организации хронотопа проявляется и в зависимости точки отсчёта от воли автора;

8) личное биографическое время связано с историческим» [Сапожникова 2012: URL].

Данные особенности определяют одно важное противоречие автобиографии, которое объясняется самой спецификой процесса воспоминания: автор, даже при всем желании, не способен охватить и художественно осмыслить *весь свой жизненный путь*. Отсюда вытекает важный жанрообразующий парадокс: «автобиография соединяет в себе документальность и функциональность. Первая проявляется в использовании реальных фактов из жизни автора, определённых средств документальности, таких как датирование, топонимы и другие» [Там же]. Вторая связана с тем, что «написание текста автобиографии – это не изложение на бумаге воспоминаний, а сам процесс создания автобиографического воспоминания» [Там же].

Таким образом, будучи вполне четкими, параметры автобиографического текста в совокупности с идеей и целью его написания делают каждую автобиографию текстом особым по своему содержанию. Это последняя и, на наш взгляд, самая важная особенность художественной автобиографии, определяющая новаторство каждого писателя в рамках жанра.

Как первичный жанр, автобиография «ограничивается определёнными “вехами” в жизни отдельного человека и представляет ее в виде послужного списка» [Николина 2017: 225]. Однако как жанр «вторичный (сложный) она обращается к жизненному пути личности как ее (жизни) самоосуществлению. Она ищет индивидуальной целостности и создает образ “Я”» [Там же: 226].

В отечественной литературе рубежа XVIII–XIX веков к такому художественному осмыслению собственной жизни обратился Д. И. Фонвизин в своем неоконченном произведении «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1798). В рамках данной ра-

боты мы рассмотрим лишь особенности субъектной организации текста, которые помогут нам увидеть, как «автобиографическое начало», взаимодействуя с жанром исповеди и одноименным произведением Ж. Ж. Руссо («Исповедь», 1782), определило идейно-художественное своеобразие произведения Д. И. Фонвизина.

Обращение писателя к опыту Ж. Ж. Руссо объясняется идеями эпохи Просвещения, которые были популярны в России в конце XVIII века: «добродетельным, истинно благородным человеком мог быть только тот, кто действовал не под влиянием душевных волнений или “страстей”, а руководствовался в своем поведении требованиями разума, исходил из того, что принято было считать добром. Идеалом был человек, способный приносить общественную пользу» [Москвичева 1896: 15]. Исповедальное слово тут, без сомнений, «обнажает» чувства, которые могут быть рационально проанализированы.

Диалог с «Исповедью» автора «Чистосердечного признания» очевиден. Об этом прямо говорится во вступлении: «Славный французский писатель Жан-Жак Руссо издал в свет “Признания”, в коих открывает он все дела и помышления свои от самого младенчества, – словом, написал свою исповедь и думает, что сей книги его как не было примера, так не будет и подражателей»¹ [Фонвизин: URL].

Д. И. Фонвизин, называя себя «подражателем», указывает на жанровую мотивировку своего произведения, пробуждая в читателе определенный ассоциативный план, однако тут же, объясняя цель создания своего текста, подчеркивает и различие:

«Я хочу, говорит Руссо, показать человека во всей истине природы, изобразив одного себя. Вот какой подвиг имел Руссо в своих признаниях.

Но я, приближаясь к пятидесяти летам жизни моей, прешед, следовательно, половину жизненного поприща и одержим будучи трудною болезнию, нахожу, что едва ли остается мне время на покаяние, и для того да не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского: чистосердечно открою тайны сердца моего».

Как мы видим, автор записок ставит перед собой цель не просто рассмотреть собственную судьбу, а понять закономерности души человека вообще, в христианских категориях: «Отмечая близость раннего этапа своей биографии с теми событиями, что изложены французским писателем, Фонвизин усиливает эту параллель, идя от личного переживания к осмыслению закономерностей развития человеческой

¹ Здесь и далее цит. по: Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/01prose/250.htm>.

души, отраженной в процессе рефлексии» [Коптева 2012: URL]. Так как же сформируется этот «процесс саморефлексии» и какие новые смыслы вносятся в исповедальный тон записок?

Во-первых, в повествовании явно проявляется раздвоение авторского «Я»: всезнающий автор из условного «сейчас» вспоминает и комментирует происходящее с ним же в прошлом. Это позволяет не просто передать факт, но и прокомментировать его, дать ему личную субъективную оценку и осмыслить то или иное событие в значении для говорящего. Рассмотрим фрагмент, когда герой, ещё будучи ребенком, увлекается картами:

«Теперь пришло мне на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о котором я никогда никому не сказывал и которое здесь упомяну для того, что можно из него вывести некоторое правило, полезное для детского воспитания. Я не могу изъяснить, сколько я пристрастился к картам с красными задками и бывал вне себя от радости, когда такие карты мне доставались; но сие случалось редко. Сколько хитростей, обманов и лукавства употреблял мой младенческий умишка, чтоб на делу доставались мне карты с красными задками! <...> И в самом Риме едва ли делали мне такое удовольствие арабески Рафаэлены, как тогда карты с красными задками. По крайней мере, смотря на первое, не чувствовал я того наслаждения, какое ощущал от любимых моих карт, будучи младенцем».

Осмывая свой жизненный путь и давая советы, рассказчик индивидуализирует собственный опыт, подчеркивая силу «пристрастия» сравнением «карт с красными задками» с «арабесками Рафаэловыми» (не в пользу последних).

В автобиографическом тексте каждое событие, встреча, лицо носят отпечаток сугубо авторского взгляда. Вот как он оценивает учителя, подсказывающего своим ученикам на экзамене:

«Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностию, спросил я учителя о причине. “Пуговицы мои вам кажутся смешны, – говорил он, – но они суть стражи вашей и моей чести <...> итак, – продолжал он, ударя по столу рукою, – извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете”. Вот каков был экзамен наш!».

Последнее ироничное восклицание выражает недовольство автора учителем, однако он не осуждает его прямо, а лишь, вспоминая кон-

кретную ситуацию в прошлом, теперь осмысляет ее иначе, чем в детстве, оценивает ее, рассчитывая на соответствующую реакцию читателя.

Роль последнего в автобиографии крайне важна, так как, с одной стороны, «образ адресата коррелирует с образом автора и определяется типом текста, литературным направлением, к которому принадлежит писатель», а с другой – сама форма рассказа о своей жизни предполагает наличие слушателя, который «может быть представлен как конкретный реципиент (или реципиенты), обладающий определёнными биографическими чертами, или как абстрактный читатель – современник или чаще потомок» [Николина 2017: 155]. Фонвизин обращается ко второму типу слушателя, ведь исповедальное слово автора записок предполагает всеуслышание. Об этом говорят непосредственные обращения к читателю: «О вы, коих звание обязывает надзирать над поведением молодых людей, не допускайте развращаться их воображению, если не хотите их гибели!»; «Теперь настало время сказать нечто о моем характере и познакомить читателя с умом моим и сердцем»; «Я намерен сию беседу описать здесь, сколько могу вспомнить» [Фонвизин: URL]. Если в первом и втором случаях адресация проявляется прямо – через местоимение «вы» (2 л., мн. ч.) и непосредственное упоминание читателя, то в третьем примере слушатель присутствует скрыто. Сам факт, что говорящий вслух фиксирует «намерение» «беседу описать», свидетельствует о том, что автор рассчитывает на воспринимателей слушателей, желая поделиться с ними своими воспоминаниями. Иначе, зачем об этом говорить? Ведь автор прекрасно понимает и помнит то, о чем он хочет рассказать.

Композиционно такие отсылки к слушателю-читателю располагаются между различными эпизодами жизни, о которых рассказывает повествователь, они помогают связать воедино цепь воспоминаний. «Это объясняется в первую очередь ретроспективным способом рассмотрения своей жизни, а значит, особенностями человеческой памяти; ведь невозможно абсолютно точно вспомнить разговоры и события, которые имели место много лет (иногда и десятилетий) назад» [Сапожникова 2012: URL]. Также такие «метатекстовые включения обнажают сам процесс порождения текста» [Николина 2017: 166], то есть процесс *вспоминания*.

Пребывание автора одновременно в двух временных координатах сказывается на речевой организации текста: «если в начале в повести¹ преобладают книжная лексика и церковнославянизмы, то в дальней-

¹ Автобиографическая повесть – так определяет жанр произведения Д. И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» Н. А. Николина.

шем они заметно уступают место языковым средствам, характерным преимущественно для разговорной речи, в результате в тексте преодолеваются традиционные жанрово-стилистические различия, связанные с теорией “трех стилей”» [Николина 2014: URL]. Заметим, что слова «высокого» стиля присутствуют в авторефлексии повествователя (в условном «сейчас»), то есть в непосредственном исповедальном слове. Исповедальное слово пространно и синтаксически перегружено: «С сего времени считаю я вступление мое в совершенный возраст, ибо начал чувствовать действие здравого рассудка. Сие время жизни моей содержит в себе».

«Низкая» же лексика встречается в диалогах и прямой речи персонажей, что отсылает нас к прошлому «Я» автора. Диалоги передают повествованию эмоциональную экспрессивность и динамику. «И я у тебя обедаю, – сказал граф брату своему, – я не хочу пропустить случая слушать его чтение. Редкий талант! У него, братец, в комедии есть одна Акулина Тимофеевна: когда он роль ее читает, тогда я самое ее и вижу и слышу» [Фонвизин: URL].

Рассмотренные нами особенности субъектной и речевой организации записок Фонвизина позволяют с уверенностью говорить об автобиографичности произведения. Удачным нам кажется жанровое определение «Чистосердечного признания...», данное Э. И. Коптевой: «автобиография-исповедь». С одной стороны, исповедальную тональность и способ организации текста автор заимствует у Ж. Ж. Руссо: «Фонвизин стремится найти внутреннее сходство, точнее сродство, своего рассказчика с образом “Я” “Исповеди”. Отмечая близость раннего этапа своей биографии с теми событиями, что изложены французским писателем, Фонвизин усиливает эту параллель, идя от личного переживания к осмыслению закономерностей развития человеческой души, отраженной в процессе рефлексии» [Коптева 2012: URL]. С другой стороны, писатель усиливает автобиографический элемент, так как объектом его рефлексии становится не природа человека в целом, а его осмысление греховности собственного «Я». Как заметил М. Ю. Лотман, «в отличие от Руссо, Фонвизин стремится не рассказать все о самом себе, а рассказать все о своих грехах, и осуждает Руссо за рассказы о чужих поступках» [Лотман 2000: 184]. Изображение жизни автора в «Чистосердечном признании...» становится необходимой иллюстрацией философско-религиозных исканий конкретной личности, и в то же время она призвана выявить общие закономерности бытия человека.

Итак, несомненное наличие в художественной структуре «Чистосердечного признания...» двух начал – автобиографического и исповедального («чистосердечное признание») – позволяет определить жанр

ровое своеобразие произведения Д. И. Фонвизина как автобиография-исповедь. Жанровая установка, которой следует автор, определяет, как мы увидели, прежде всего особенности субъектной организации, на которой держится вся жанровая конструкция (повествователь – не только субъект повествования – «Я» – *сейчас*, но и объект – тот, о котором повествуется, – «Я» – *тогда*). Отсюда – временная двуплановость (прошлое, которое осмысливается в свете настоящего), своеобразие речевой организации (воссоздание речевых особенностей, собственных «Я» – *сейчас* и «Я» – *тогда*). Синтезируя «опыт западноевропейской светской исповедальной литературы с христианской учительной традицией» [Коптева 2012: URL], Д. И. Фонвизин предлагает в конце XVIII века свою модификацию автобиографического жанра, способствуя его дальнейшему развитию в русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Фонвизин Д. И. «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». URL: <https://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/01prose/250.htm> (дата обращения: 12.11.2019).

Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX в. (И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин). Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. 120 с.

Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург : УрГПУ, 1996. 420 с.

Златопольская А. А. «Исповедь» Руссо и русская мысль XIII–XIX веков // Вестник Русской христианской академии. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.11.2019).

Коптева Э. И. Роль эпитафий в автобиографическом повествовании Д. И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1798 г.) // Омский научный вестник. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.11.2019).

Лежен Ф. Когда кончается литература? // Автобиографическая практика в России и во Франции. М. : ИМЛИ РАН, 2006. С. 261–275.

Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII–XIX века // Лотман Ю. М. Русская литература и культура Просвещения. М. : ОГИ, 2000. 536 с.

Москвичева Г. В. Русский классицизм: учеб. пособие. М. : Просвещение, 1986. 191 с.

Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М. : Флинта, 2017. 424 с.

Николина Н. А. Стиль автобиографической повести Д. И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» // Русский язык в школе. 2014. URL: <http://naukarus.com/stil-avtobiograficheskoy-povesti-d-i-fonvizina-chistoserdechnoe-priznanie-v-delah-moih-i-pomyshleniyah> (дата обращения: 11.11. 2019).

Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 11.11.2019).

Чекалов П. К. Осмысление жанра художественной автобиографии в научной литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.11.19).

REFERENCES

Fonvizin D. I. «Chistoserdechnoe priznanie v delakh moikh i pomyshleniyakh». URL: <https://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/01prose/250.htm> (data obrashcheniya: 12.11 2019).

Bronskaya L. I. Kontseptsiya lichnosti v avtobiograficheskoy proze russkogo zarubezh'ya pervoy poloviny KhKh v. (I. S. Shmelev, B. K. Zaytsev, M. A. Osorgin). Stavropol' : Izd-vo SGU, 2001. 120 s.

Ermolenko S. I. Lirika M. Yu. Lermontova: zhanrovye protsessy. Ekaterinburg : UrGPU, 1996. 420 s.

Zlatopol'skaya A. A. «Ispoved'» Russo i russkaya mysl' XIII–XIX vekov // Vestnik Russkoy khristianskoy akademii. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 12.11.2019).

Kopteva E. I. Rol' epigrafov v avtobiograficheskom povesstvo-vanii D. I. Fonvizina «Chistoserdechnoe priznanie v delakh moikh i pomyshleniyakh» (1798 g.) // Omskiy nauchnyy vestnik. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 12.11.2019).

Lezhen F. Kogda konchaetsya literatura? // Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii. M. : IMLI RAN, 2006. S. 261–275.

Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'. M. : Sov. entsiklope-diya, 1987. 752 s.

Lotman Yu. M. Russo i russkaya kul'tura KhVIII–KhIX veka // Lot-man Yu. M. Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya. M. : OGI, 2000. 536 s.

Moskvicheva G. V. Russkiy klassitsizm: ucheb. posobie. M. : Prosveshchenie, 1986. 191 s.

Nikolina N. A. Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy : ucheb. posobie. 3-e izd., stereotip. M. : Flinta, 2017. 424 s.

Nikolina N. A. Stil' avtobiograficheskoy povesti D. I. Fonvizina «Chistoserdechnoe priznanie v delakh moikh i pomysleniyakh» // Russkiy yazyk v shkole. 2014. URL: <http://naukarus.com/stil-avtobiograficheskoy-povesti-d-i-fonvizina-chistoserdechnoe-priznanie-v-delah-moih-i-pomysleniyah> (data obrashcheniya: 11.11. 2019).

Sapozhnikova Yu. L. Zhanr avtobiografii: ponyatie i osobenno-sti // Uchenye zapisi Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 11.11.2019).

Chekalov P. K. Osmyslenie zhanra khudozhestvennoy avtobiografii v nauchnoy literature // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 10.11.19).